

Борис Носик

Четыре дня на съемках великой битвы

Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)

Борис Носик

**Четыре дня на съемках
великой битвы**

«Автор»

1969

Носик Б. М.

Четыре дня на съемках великой битвы / Б. М. Носик — «Автор»,
1969

"Он отметил с самого начала, что наступает новая, какая-то совсем иная эра его отношений с работодателем и заказчиком. И прежде всего отметил широту и размах этих отношений. Что ж, это было кино – сфера широких возможностей и стремительных решений. В сущности, участие Синькова в работе над сценарием этого грандиозного фильма было весьма скромным. Приглашенный в помощь итальянцу, перерабатывавшему сценарий, Синьков придумал заново только одну сцену и дописал один диалог – сущий пустяк. Это было давно, зимой, а сейчас шел август, и вот однажды, наскучив московской суетой и зашедшей в тупик работой по обстругиванию своей последней книги, Синьков вдруг вспомнил о приглашении режиссера картины – приехать на съемки в августе, когда по плану будет сниматься его эпизод. Синьков позвонил на студию, ему на завтра же привезли на дом билет, и вот он уже летел в курортную местность, где среди зеленых холмов снимались эпизоды великой битвы прошлого столетия. Он летел с худеньким портфельчиком, в котором были смена белья и джинсы, для поездки не потребовалось никакого хождения по бухгалтериям и оформления, а вдобавок, когда они сели, его еще встретили в аэропорту с машиной и, чтобы сделать ему приятное, повезли в окружную – по старинным улочкам экзотического городка. Нет, решительно это была другая жизнь и другой мир – кино..."

© Носик Б. М., 1969

© Автор, 1969

Борис Носик

Четыре дня на съемках великой битвы

Рассказ

Он отметил с самого начала, что наступает новая, какая-то совсем иная эра его отношений с работодателем и заказчиком. И прежде всего отметил широту и размах этих отношений. Что ж, это было кино – сфера широких возможностей и стремительных решений.

В сущности, участие Синькова в работе над сценарием этого грандиозного фильма было весьма скромным. Приглашенный в помощь итальянцу, перерабатывавшему сценарий, Синьков придумал заново только одну сцену и дописал один диалог – суший пустяк. Это было давно, зимой, а сейчас шел август, и вот однажды, наскучив московской суетой и зашедшей в тупик работой по обстругиванию своей последней книги, Синьков вдруг вспомнил о приглашении режиссера картины – приехать на съемки в августе, когда по плану будет сниматься его эпизод. Синьков позвонил на студию, ему назавтра же привезли на дом билет, и вот он уже летел в курортную местность, где среди зеленых холмов снимались эпизоды великой битвы прошлого столетия. Он летел с худеньким портфельчиком, в котором были смена белья и джинсы, для поездки не потребовалось никакого хождения по бухгалтериям и оформления, а вдобавок, когда они сели, его еще встретили в аэропорту с машиной и, чтобы сделать ему приятное, повезли в окружную – по старинным улочкам экзотического городка. Нет, решительно это была другая жизнь и другой мир – кино.

И лучший отель городка, куда с шиком подкатила его машина, подтверждал его ощущение – наступала некая радостно-суматошная жизнь, с легкой руки итальянского корифея называемая теперь «дольче вита», эта сладкая, сладкая, сладкая жизнь. По вестибюлю разгуливали экзотические люди с усами и без усов в умопомрачительных канареечных, небесно-голубых и фиолетовых тонких свитерах, которые так и назывались – дольчевитки, или в более прозаическом русском варианте – водолазки. Синьков увидел скопище итальянских и югославских трюкачей-наездников, спесивых лошадиников-каскадеро, суматошных итальянских и русских директоров-администраторов, переводчиков, актеров из разных городов и даже стран. Синькова представили сразу полдюжине людей разной значимости и разной национальности, и, знакомясь, все они восклицали с одинаковой заинтересованностью: «О-о!» Синьков вовсе не относил это к исключительным особенностям своей внешности или всемирному распространению его более чем скромной литературной славы. Вероятно, это была некая актерская аффектация. А может, им любопытен был новый человек, да еще человек из иной сферы, кто-то вроде кабинетного ученого, попавшего в цирк. Кроме того, Синькова представляли как сценариста, и он подумал при этом, что сценарист все же как-никак человек, который направил по определенному руслу всю эту огромную машину кинопроизводства, так что конечно же должен быть немаловажной персоной на съемках. С другой стороны, Синьков ощутил и некоторую неловкость, потому что он не был все-таки автором сценария, и неловкость эта возросла, когда сухопарый седой англичанин воскликнул не то восхищенно, не то насмешливо (интонации чужой речи были так обманчивы): «О, Милсон!» Милсон был английский сценарист, автор второго варианта сценария, признанного также не вполне совершенным. До знаменитого Милсона над сценарием работал еще более знаменитый Тери, истинный гений драматургии, призрак которого, еще витавший в некоторых диалогах, мешал Синькову поначалу братья за эту работу, вселяя в него робость.

– Нет... Не автор сценария... – растерянно сказал Синьков, мобилизуя все свое знание английского. – А... при участии... Ну как, скажем, Эннио Флайяно...

Итальянцы закивали при звуках итальянского имени, Впрочем, не вполне убежденно. Синьков же ощутил угрызения совести, потому что, подбирая пример к общепринятой формуле «при участии», которая могла в кино означать что угодно, он назвал имя изысканного соавтора Феллини. К его удивлению и утешению, оказалось, что никто из итальянцев не слышал этого имени, и черноглазый энергичный директор (директоров здесь было по крайней мере десяток) прервал эту светскую беседу, предложив Синькову посмотреть предназначенный для него номер.

Синьков бросил портфель на гостиничную койку и вышел на балкон. Балкон выходил на площадь и берег пересохшей горной реки, однако истинная декорация сказочной феерии (а Синьков и не ожидал теперь ничего другого) представилась Синькову не на площади старинного городка, а на соседних балконах, где растянuty были пестро-курортные попугайные тенты и шезлонги, где звучала, перелетая с одного балкона на другой, рокошуще праздничная итальянская речь: «Аллоре... Грандиозо! Ляринграция мольто!»

Синьков снял пиджак, критически осмотрел свою синюю нейлоновую сорочку, крик позапрошлогодней моды, рубашку, привезенную недавно другом из заокеанского вояжа и лежавшую дома без употребления. Здесь, наверное, рубашка эта была бы вполне уместна.

В дверь постучали. Это был черноглазый, располневший до срока русский директор, который сказал, что если Синьков согласен ехать в автобусе, то можно выехать на площадку сейчас, потому что «Волга» вернется только минут через двадцать.

– А почему бы не ехать в автобусе? – сказал Синьков и спустился вниз вместе с черноглазым директором.

В автобусе было полно народу, но Синькова приняли радушно и потеснились. Здесь было шумно до головокружения. Итальянцы, распуская хвост, наперебой ухаживали за молоденькой переводчицей, англичане изредка перебрасывались фразами, словно бы любясь своей непридуманной сдержанностью, русские мальчишки усталыми голосами людей, повидавших мир, говорили о делах:

– Фабио прилетел из Рима... Пленку привез... Сегодня у Запасника смотрят материал... Роберто вывихнул ногу... Буран подох... Ну что ты – генералу-то... Новую дадут...

Запасник, которого чаще называли Босс, и был великий режиссер, повелевавший этой армией. Остальные были его военачальники и солдаты. Впрочем, избитые сравнения этого ряда не годились в данном случае, потому что могли быть восприняты слишком буквально. Об этом Синьков подумал, как только они свернули с шоссе на избитый проселок. Кругом были солдаты, военные машины, пушки. Солдаты в военной форме наших дней и прошлого столетия, драгуны и кирасиры, полковники с белыми султанами, восседавшие на леопардовых шкурах из синтетики, подстеленных под седло, и майоры с одной звездочкой на погонах, яркая пестрота великой битвы прошлого столетия, шум, гам, слепящее многообразие костюмов, звуков, запахов, движения. Армии располагались у подножья холма, на холме, за склоном холма и вырисовывались стройными каре дальше, насколько хватал глаз. Покрывая все звуки, с деревянного помоста звучал голос юного усатого помрежа, успевшего уже освоить современный армейский жаргон, и мощные усилители разносили этот голос на десяток километров по окрестным деревням, где его так и прозвали в это съемочное лето – Голос:

– Шотландское каре! Вам касается. Товарищ солдат, что вы там читаете? Что у вас интересного в книжечке? Почитайте нам вслух...

Черноглазый директор провел Синькова на съемочную площадку, ограждаемую от наплыва зрителей то рядами солдат, то милицией, и Синьков сумел разглядеть в этом вавилонском столпотворении несколько приметных лиц. Здесь был отставной колониальный полковник-англичанин, длинный, сухопарый, с тростью и моноклем, то ли сошедший со страниц Киплинга, то ли их усердно разыгрывающий. Он был военный консультант и точно знал, на какой стороне должна висеть фляжка у французского гвардейца и сколько офицеров должно

стоять при знамени шотландского полка. Синьков был представлен этому человеку, потом надменному красавцу англичанину, исполнявшему главную роль в фильме, затем костюмерше, прославленному пиротехнику, женщине, ведавшей «континьюити» – последовательностью съемок, двум хорошеньким ассистенткам, трем итальянским директорам, симпатичному трюкачу-каскадеру из Югославии, а потом еще кому-то, кого он уже не смог упомянуть. Черноглазый директор вдруг побежал по полю, вскочил на подножку пожарной машины и укатил на дальний склон холма, а Синьков остался один среди отдыхавших на земле солдат. Он отошел в сторону от помоста помрежа и голосистых радиомашин и обнаружил, что на солдатах, стоявших за километр от камеры, не было яркой формы прошлого столетия: просто на плечи их современных гимнастеров были накинuty кумачовые лоскуты с прорезью для головы. Более того, он обнаружил, что совсем далекие солдаты, замершие в каре по стойке «смирно», были и вовсе пластмассовые, штампованные и оттого, наверно, так стойчески переносили состояние полной неподвижности.

– Итальянцы машину привезли и вон их сколько нашлапали, этих чучел, – объяснял Синькову сержант связи. – Они вон по частным огородам до самого перевала теперь стоят, ворон пугают... Крадут их, известное дело...

Сержант вернулся к собственной, интересной для него, беседе с радистом на рации – на единственную тему, по-настоящему волнующую солдата последнего года службы. Они говорили о демобилизации – о необходимости уехать раньше, сдавать в пединститут, о каком-то молоденьком лейтенанте, который помогает им по математике. Потом радист передал в микрофон команду, и по всему полю зацвели багровые взрывы. Лошади заржали, потянуло гарью, и сажа стала густо оседать на лицах, на ярких дольчевитках итальянцев, на белых майках операторов, на холеных английских детишках, которых привез с собой на площадку их отец, совсем юный актер-англичанин.

Синьков отошел подальше от поля, где пиротехники с такой дотошной добросовестностью имитировали военный ад прошлого, и попал в тихую полосу военного перемирия. Здесь загорали, расстегнув мундиры наполеоновской гвардии, грызли яблоки, распивали бутылку сухого вина и просто беседовали в тени. Синьков подходил то к одним, то к другим и обнаружил, что люди эти охотно вступают в беседу, с готовностью рассказывая обо всем и особенно о себе. Синьков подумал, что положение статистов, вероятно, оставляет у этих людей щемящее чувство забытости и они благодарны всякому, кто проявит внимание к их личности. Камера возбуждала в них желание показать, проявить себя – разве не для этого они были наряжены так картинно в удивительные мундиры, не для этого забрызганы кровавым суриком, прокопчены дымом, измазаны сажей? Но камера скользила по ним, не задерживаясь, проносила над ними на вертолете, проезжала на быстроходной тележке. У камеры были свои фавориты – главные герои, второстепенные герои, эпизодические герои и, наконец, отчаянные смертники-каскадеро. И вот эти люди вынашивали неудовлетворенное желание быть снятыми отдельно, хотя бы сфотографированными на худой конец, хотя бы замеченными или выслушанными. Синьков был приятно удивлен этой общительностью, с готовностью выслушивал каждую из этих удивительных историй. Когда он задержался, чтобы разглядеть получше наполеоновский герб на мундире гвардейца, гвардеец улыбнулся ему белозубо и спросил:

– Издалека? А, из Москвы! Из самой Москвы! Я, между прочим, в Москву три раза ездил. Свиней возили сдавать на Микояновский комбинат. Поверите, такие жирные свиньи, может, два килограмма мяса, остальное все сало...

– Да? – сказал Синьков. – Очень интересно. Так что вы по свиньям?

– Ну да, на мясокомбинате, в Мукачеве. А тут я к теще в отпуск приехал, в Среднее. Она в Среднем живет. А у них как раз в Среднем гримерные, у этих. Я начал отдыхать, а тут как раз людей набирают. Думаю, пойду, все равно отпуск, делать нечего. Все равно они вон все стоят на вас смотрят, отпускники, а я все же не задаром. Я уже в атаке гвардии снимался, в привале

пехоты, в заветном дубе... Эх, и страшно в атаке было: такая пиротехника началась, а меня всего красной краской перемазали, я голову обхватил и на пушке сижу... Отпуск мой, между прочим, кончился, так я еще за свой счет взял... Который за свой счет, тоже, между прочим, кончился. Жинка пишет – приезжай, потому что я уже три месяца как из дома. Но я так думаю, успеется, потому что у нас сейчас пойдут самые важные съемки. Редут будут снимать. А перед атакой гвардии Сам с нами разговаривал. Тут, говорит, вот такая огромная трагедия. Паника. И все великие замыслы императора враз рушатся, так что вы уж постарайтесь. Я так старался, что с одного ужгородского деда парик сбил. Как ткну его в бок. У меня плечи вон какие здоровые...

– Здоровые, – одобрил Синьков.

– Самому понравилось, как мы... А когда понравится, они, между прочим, на новую картину могут взять. Вот Жорка или вот Степаныч у нас есть старичок; так они уже третью картину снимаются. Могут с собой на Черное море увезти, куда угодно. Потому что это очень важное киноискусство. Вчера тут один новенький говорит: «Мы же всю фасолю перетопчем». А я ему говорю: «Очень прости. Если в кино надо, всю фасолю перетопчем и новую вырастим». Вон, к примеру, там, смотрите – горит...

Синьков посмотрел на овраг и увидел, что полыхает крыша большой кирпичной, нерусского вида фермы.

– Они ферму на горе построили и жгут. И замок жгут. А надо – еще построят и сожгут. Потому что это кино. Вот вы, к примеру, целую неделю небось собираетесь во Львов к брату съездить. Правильно?

– Правильно, – подтвердил Синьков.

– А у них мальчонка-администратор по два раза на дню в Москву летает – туда, обратно, какой-то материал возит. А с пленкой? Они с нею в Рим летают чуть не каждый день проявлять. Потому что кино. Вот вы генерал-майора когда-нибудь видели?

– Видел.

– А генерал-полковника?

– Видел, – неуверенно сказал Синьков.

– А генерала армии? То-то, – торжествующе сказал гвардеец. – А у них вон генерал армии под зонтиком сидит. И если надо будет, трех генералов привезут... Я даже так думаю, нас свободно могут в Италию забрать, чтобы, к примеру, переснимать атаку... Вот какое важное искусство кино. А платят немного. И жена мне высылает немножко из Мукачева, отпускные проел. Тут у Джованни в буфете больше оставишь. Вон Джованни видели, ситром торгует – рупь стакан. Они его из Италии взяли – он спагетту ихнюю варит, в буфете торгует. Тише! Голос...

Синьков прислушался. Молодой помреж командовал через мощные радиомшины:

– Гвардия, приготовиться. Гвардия! Вам касается.

– Третий дубль будут снимать, – сказал опечаленно гвардеец с мясокомбината. – Тот старичок, что я рассказывал, он, между прочим, так и не встал на втором дубле. Ну, когда атаку гвардии снимали. Сказали: всем на исходную позицию. А он лежит. Подошли, а он еще теплый. Однако уже все. Старенький.

Гвардейцы стали выползать из оврага, а Синьков пошел дальше. Солдаты, скинув гимнастерки и красные лоскуты, играли в волейбол. Они так сердечно, так безудержно хохотали каждый раз, когда падал кто-нибудь из игроков или просто падал на землю мяч, что Синьков невольно вспомнил об их возрасте: так беззаветно ржать без специального повода можно только в девятнадцать и только в беззаботном солдатском состоянии.

На склоне оврага у кустарника отдыхали в тени стройные скаковые лошади. Конники балагурили рядом. Здесь были солдаты-кавалеристы, наездники из московской конной милиции и югославские трюкачи-каскадеро. Когда Синьков подошел ближе, его окликнул маленький чернявый кавалерист.

– Вы простите меня за беспокойство, – сказал он со старательной вежливостью. – Вы случайно не цыган?

– Нет, – сказал Синьков. – По чистой случайности. У нас соседи были цыгане.

– Вот видите! – обрадовался кавалерист. – Меня не обманешь. Я цыгана за версту чую. Тут у итальянцев один администратор есть. Карла. На полицейской машине ездит, придуривается. Я его сразу признал. «Откуда?» – говорю. А он: «Рома. Рома». Я и вижу, что «рома». «Рома» по-нашему «цыган» значит. А по-ихнему Рим, но все равно стало быть цыган, я так понял. Цыганское сердце не обманет. Там у них русский администратор есть, полный такой, глазищи во, а уж пройда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.